

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-62-87-100>

УДК 008

ББК 71.1

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2021 г. А. В. Белов

г. Москва, Россия

© 2021 г. М. В. Рудаков

г. Москва, Россия

ФРАНЦУЗСКАЯ КОЛОНИЯ В МОСКВЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВВ.: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ СУДЬБА

Аннотация: Статья посвящена анализу французской диаспоры, сформировавшейся в Москве к концу XVIII в. и оказывавшей исключительное влияние на все стороны ее жизни. «Русские французы» как явление отечественной культуры, неоднократно подмеченное уже современниками, не получило достаточной оценки в историографии и нуждается в комплексном анализе. Целью исследования стало рассмотрение специфики формирования, состава и форм участия московской колонии французов, а также ее положения в 1812 г., эпохе, имевшей равное судьбоносное значение как для коренных москвичей, так и для «московских французов». Особое внимание обращено на место и роль колонии в формировании российской культуры рубежа XVIII–XIX вв. в рамках Первопрестольного города, на многообразие различных сторон данного процесса; на выявление основных направлений мотивационной направленности, социального и профессионального статуса мигрантов; взаимную оценку представителей двух культур и на корректировку взаимоотношений в данный период в зависимости от влияния внутренних и внешних факторов. В рамках исследования отмечается вклад французов-мигрантов в развитие московской культуры, в частности искусства театра. В работе в научный оборот вводятся не опубликованные ранее источники, а также исследования как отечественных, так и иностранных авторов, вышедших в последние годы.

Ключевые слова: русские французы, франкоязычная колония, мигранты, мотивация, состав, французы-учителя, книготорговцы, актеры, московские французы и 1812 г.

Информация об авторах:

Алексей Викторович Белов — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Центр изучения истории территории и населения России, Институт российской истории Российской академии наук, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, 117292 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5606-0086>. E-mail: belovavhistpost@mail.ru

Михаил Валерьевич Рудаков — кандидат культурологии, доцент, Институт славянской культуры, Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина, Хибинский пр., д. 6, 129337 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3250-1558>. E-mail: mihvalrud@mail.ru

Дата поступления статьи: 21.08.2020

Дата публикации: 28.12.2021

Для цитирования: Белов А. В., Рудаков М. В. Французская колония в Москве во второй половине XVIII – начале XIX вв.: особенности формирования и историческая судьба // Вестник славянских культур. 2021. Т. 62. С. 87–100. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-62-87-100>

Целью данной работы стало определение важности и специфики колонии французов в Москве и ее изучение в условиях судьбоносного для обеих наций 1812 г. В последнее время вышло множество литературы, как отечественной, так и зарубежной, с новыми данными, посвященной «французской колонии» в Москве и России, которую бы следовало проанализировать и ввести в широкий научный оборот. До сих пор еще распространены мифологичность, разрозненность во взглядах и мнениях относительно судьбоносности 1812 г., московского пожара и вообще места и роли французов в развитии российской культуры. Во многом это следует объяснить и тем, насколько комплексными были сами реалии, интенции, занятия представителей французского землячества или колонии, возможно, являвшей в этом смысле наиболее пеструю картину на фоне других иностранцев.

Показательно, что этноним «русские французы», в отличие, например, от «русских немцев», не получил широко распространения как в научной литературе, так и в повседневном употреблении. Но если начало XVIII в. было теснейшим образом связано со вторым этнонимом, то уже вторая половина столетия, с начавшимся при Елизавете процессом галломании, не может быть рассмотрена без внимания к влиянию Франции и ее выходцев в России, оказавших огромное влияние на русскую действительность во всех ее проявлениях.

Расцветшая на основах галантного века и века Просвещения галломания во всей Европе и России обеспечивала превосходство французов при проникновении в самые влиятельные круги российского общества, став основой для понимания «хорошего вкуса» и тона. Однако данный процесс в общественном сознании уже начиная по крайней мере с первой четверти XIX в. чаще сводится сегодня к полуанекдотическим персонажам. Достаточно вспомнить «французика из Бордо» из «Горя от ума» А. С. Грибоедова. Именно в этом произведении абсолютно точно зафиксирована как важная особенность восприятия французов москвичами, так и их социокультурные параметры [14].

Несмотря на тезис о преимущественном качестве, а не количестве русских французов, естественно возникает вопрос: а были ли *grass-roots* (рядовые представители) в этом эмиграционном движении, стихийные или массовые основы его существования? То, что можно было бы назвать колонией, складывалось далеко не сразу, а волнами и «по цепочке». Французы долгое время представляли собой, по сути, минимальный контингент на фоне других иноземцев, отличаясь при этом крайней неоднородностью, — культурный партикуляризм самих французов (к которым следовало, например, относить и франко-швейцарцев) лишь добавлял сложности в процессе ее складывания. Колония формировалась медленнее других и в силу напряженных отношений

между православием и католичеством, что служило основой благоприятствования протестантской миграции. В этой связи укажем на явление в России, ввиду гонений, гугенотов (франкоязычных протестантов). Ввиду них же Россия, пользуясь случаем, приглашала или вербовала потенциально полезные кадры. И пусть их количество не было столь велико, опять-таки укажем на эту характеристику — они были примечательны качеством: работоспособностью и дисциплиной.

Первая волна их эмиграции имела место еще во второй половине XVII в. в связи с отменой в 1685 г. Нантского эдикта, гарантировавшего им свободу совести и частичную свободу культа. В 1689 г. вышел указ, приглашавший преследуемых протестантов приехать и устроиться в России. Интересно, что для миграции французов принадлежность к протестантам могла и не быть решающей ввиду их уже укоренившейся интенсивной географической мобильности в Европе. Отчасти это объяснялось привычкой «дворянства шпаги» к службе на военном поприще, в Новое время активно экспортировавшееся в другие страны, так как внутривойсковые войны велись уже в меньшем объеме (либо в связи с послевоенными сокращениями армий и сменой монархов).

При Петре I следует ряд событий и актов, поощряющих приезд в Россию, прежде всего специалистов (манифест от 27 апреля 1702 г. о вызове иностранцев в Россию, облегчавший приезд и пребывание в России). Масштабы преобразований первого русского императора резко увеличили потребности в специалистах. В дальнейшем приезд французов мог связываться и с приглашением со стороны властей при попытках создания колоний. Одна из них и привела к серьезному пополнению французской (франкофонной) колонии Москвы в результате неудачи колонистов уже в прямом смысле слова. Наплыв их в старую столицу был не менее многочисленным, нежели на берега Невы. В 1759 г. в Первопрестольной даже открывается французское вице-консульство, ставшее важным центром жизни французской колонии. Не менее ключевой вехой для понимания механизмов жизнедеятельности колонии явилось разрешение торговать не в Гостином дворе, а в своих магазинах, в частных домах (1783), как и подписание двумя странами договора о торговле (1786).

Следующие вехи формирования колонии были вызваны политическими факторами конца XVIII в. Революция в Париже спровоцировала как наплыв французов, так и первые проявления враждебности разной степени, которая лишь нарастала по мере успехов Наполеона. С момента казни короля Людовика XVI и революции настроение Екатерины II, доселе увлекавшейся именно французским Просвещением, сменяет вполне понятные тревога и охранительные тенденции. В ответ на события в Париже французские дипломаты выдворялись из пределов империи, а все французские подданные обязывались принести присягу на верность российской короне и отречься от «правил безбожных и возмутительных, в земле их ныне исповедуемых» [8].

Августейший гнев в отношении «русских французов» мог иметь и вполне конкретную почву. Некоторые московские книгопродавцы-французы, как братья Ге или Куртнер, открыто торговали революционными изданиями, политическими памфлетами, такими как «О свободе печати» Мирабо, эстампами с изображениями взятия Бастилии и т. д. Даже после начала революционных событий в Париже в книжных лавках именно Москвы можно было встретить французскую литературу, подпадавшую под категорию крайне вредной. Узнав о ее обнаружении, императрица была так возмущена, что распорядилась «сжечь», заменив позже на «отобрать и запечатать». Московскому генерал-губернатору также было поручено известить книготорговцев, что «впредь подобные

нелепые книжки ими выпускаемые будут от них без денежно отбираемы и истребляемы» (Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 16. Оп. 1. Д. 582. Ч. IV. Л. 123).

События 1793 г. не могли не повлиять на самосознание русских французов: в обществе для многих образ француза как наиболее просвещенного европейца сменил образ варвара.

К концу XVIII в. в Москве, согласно списку, проживало около 900 французских подданных. В список включались и имена выходцев из Брюсселя, Женевы, Люксембурга, поскольку «национальная принадлежность» устанавливалась по языку. Известно одно географическое приоритетное направление миграции — Эльзас и Лотарингия, число выходцев из которых постоянно росло, что объяснялось расположением этих районов на перекрестье Европы, мультикультурным характером этих регионов, а также их связями с различными европейскими странами, включая Россию, поскольку с середины XVIII в. большинство русских едут обучаться именно в университет Страсбурга, а русские семьи нанимают воспитателей и секретарей именно из этих регионов.

Во времена между двумя переписями иностранцев сохраняется постоянный профессиональный состав колонии. В первую очередь в городе проживают воспитатели, учителя, торговцы. Число первых даже возрастает с 1793 по 1806 г., несмотря на резкую критику, благодаря моде и спросу на образование “*a la française*”. Однако московская колония, весьма крупная и хорошо организованная в 1793 г., к 1806 г. сокращается. При этом давно уже необходимо расстаться с укоренившимся среди историков представлением о том, что «эмиграция французов в Россию в основном являлась следствием французской революции». Так, в Москве в 1793 г. самая значительная часть французов (20%) состояла из лиц, родившихся в России, т. е. подавляющее большинство французов обустроилось в старой столице еще до событий 1789 и последующих годов.

С началом XIX в. набирают силу еще два события, отразившиеся на «русских французах». Если сначала приход к власти Наполеона расценивался неоднозначно, то казнь герцога Энгиенского (1804) положит конец заигрываниям с его персоной со стороны европейской и русской верхушки и ускорит формирование антинаполеоновской коалиции. В итоге смерть герцога как бы «разожгла старые страсти и обиды на Францию», тем самым поставила выходцев из нее в щекотливое положение [13, p. 28], и не только в России.

Второе событие относится к 1810 г., когда отношения между Россией и Францией портятся еще больше. Российские деловые круги, имевшие тесные связи с Англией, осудят экономическую политику Наполеона. Он оставался для них революционным деятелем, «ниспровергателем» законных правителей и завоевателем [11].

Каковы же были мотивы прибывавших в Россию и Москву, помимо связанных с беженцами от религиозных гонений и поисками занятости представителей «дворянства шпаги»? Они представляли крайне широкий спектр от идеологических убеждений до чисто лукративных проектов, а соответственно, и их носители являли пеструю картину — от политически убежденных антиреволюционных либо антинаполеоновских эмигрантов, роялистов, масонов, авантюристов, искателей быстрой наживы и, наконец, представителей серьезного бизнеса. Россия для множества из них также представляла в противоречивом свете — либо как последнее пристанище старорежимного мира, например, для роялистов, таких как Жозеф де Местр, либо воспринималась в духе (пользуясь нашими современными представлениями) Дикого Запада, страной богатей-

ших возможностей, пусть и с явными минусами в виде температуры и «азиатского» менталитета.

Значительное число аристократов оказалось разорено и пополняло ряды тех, кто ехал в надежде заработать. В 1801 г. министр флота России Траверсе напишет знаменательные строки, выражавшие отношение многих французов того времени: «...Россия ныне — мое отечество, она сохранила меня от нищеты. Я всегда должен быть благодарен и преданный к ней и трем Государям, от которых я столь много получил милостей. В России я получил фортуна, жену, милостей и честь...» [14].

Представители аристократии даже могли открывать свое дело, как, например, шевалье д'Изарн-Вильфор (1763–1840), отпрыск старинного рода. Эмигрировав, он вступил в роялистскую армию принца Конде, в которой служил вплоть до ее роспуска в 1797 г. Количество такого же рода воинов, оставшихся в России, установить сложно, ведь большинство из них скрывало свое прошлое. В 1797 г. принц Конде предложил свою армию новому царю Павлу I. Многие согласились с этой интеграцией в русскую армию, надеясь вернуть утраченное во Франции — звание, престиж, обеспеченность. Многие страдали от ностальгии и непростого климата, голода — росло число случаев нарушения дисциплины, дезертирств. Неудавшиеся военные шли в сферу образования, становясь учителями фехтования, танцев, гувернерами.

Прибывавшие в Россию люди образования, искусства знали о спросе на свои услуги, как и о слабости, которую питало, прежде всего, русское дворянство ко всему французскому (и даже нуждавшегося в знании языка и манер как необходимого атрибута или средства выживания при российском дворе или в «хорошем обществе»).

Часть беженцев составляли духовные лица, прибывшие из самых разных регионов Франции и групп духовенства. Некоторые из них, например, отец Сюрюг, прибыли в Москву как к пристанищу от долгих мытарств в Европе. Большое количество приехавших в Петербург священников не позволяло им всем устроиться в качестве преподавателя, так что многие из них отправились в Москву в надежде занять священнические должности во французском приходе, существующем с 1790–1791 гг. Сюрюг, доктор Сорбонны, занимавшийся педагогической деятельностью еще до революции, получил место учителя у графа А. И. Мусина-Пушкина (открывшего рукопись «Слова о полку Игореве»). Именно он станет кюре прихода св. Людовика, служившего важнейшим звеном французской колонии. Еще до его приезда губернатор, князь А. А. Прозоровский писал о приходе: «...аббат Матинькур посвящал молитвам не все свое время <...> стремился собрать в одном месте весь французский сброд <...> вокруг церкви под предлогом восстановления католической веры, в чем за ним будто бы последовала колония, как он ее именует <...> эта церковь никогда не соблюдала необходимых приличий; на ее территории был открыт так называемый пансион, предлагавший ночлег, напитки, кофе и чай, где каждый мог прийти почитать газеты и журналы, а также вести политические разговоры, так что она больше напоминала харчевню или меблированные комнаты, нежели дом Божий» [6]. Слово «колония», употребленное в нем, показывало, насколько община казалась сплоченной и если и не опасной, то подозрительной в революционную пору для российской самодержавной власти.

Ввиду роста колонии и торговых соглашений активно прибывали и коммерсанты. В торговых гильдиях 1786 г. их значится более 26 человек, а в 1793 уже более 60. Из переписи 1806 г. из 274 французов 31 чел. (11%) обозначены как коммерсанты. Кроме них во множестве встречаются модисты, белошвеи, повара, метрдотели и прислуга.

Совершенно особенную категорию москвичей-французов составляли члены труппы императорского театра, функционировавшего в городе с 1806 г. Это была немногочисленная группа, пользующаяся особым вниманием и расположением. Согласно штату 1810 г. в ней состояло 13 актеров, 15 актрис, по одному дирижеру, балетмейстеру, суфлеру и надзирательницы, а также 7 «танцоров и танцорок», не считая фигурантов (массовки), в состав которых входили и русские исполнители (Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 497. Оп. 4. Д. 81. Л. 6–11). Это были в буквальном смысле звезды тех лет, ведущие себя соответствующим образом и получавшие оклад согласно своему статусу (РГИА. Ф. 497. Оп. 4. Д. 81. Л. 8). Так, средняя ставка русского актера колебалась в районе 1 тыс. Но и это относилось к немногим из высшего слоя труппы. Прочие сводили концы с концами, находясь на жаловании от 600 до 100 руб. (РГИА. Ф. 497. Оп. 4. Д. 81. Л. 6). Французы-актеры получали в подавляющем своем числе от 4 до 1 тыс. руб. (РГИА. Ф. 497. Оп. 4. Д. 81. Л. 7–8). Представители немногочисленной балетной труппы имели оклады от 4,5 тыс. до 1 тыс. руб. (РГИА. Ф. 497. Оп. 4. Д. 81. Л. 10).

Во второй половине XVIII в. многие во Франции воспринимали Россию как новое Эльдorado. Не случайно такие одиозные личности и яркие авантюристы, как Казанова, Сен-Жермен и шевалье д'Эон, направили сюда свои кареты. В Париже успели запомнить отношение к Западу Петра I и знали, что России не хватает специалистов во всех областях, а с эпохой Екатерины II и сопутствующей ей галломании сомнений в актуальности подобных мероприятий оставалось все меньше.

Показательно, что в 1802 г. на сцене парижского театра Сите Варьете шла новая пьеса «Едем в Россию». Героиня заявляет о своем желании покинуть страну и уехать в Россию. В ответ ее домочадцы единодушно приходят к выводу: «Поехали в Россию, там нужны таланты, нас всех там ждут, там платят наличными». И лишь один персонаж вносит минорную ноту во всеобщий энтузиазм: папаша Фрак. «При моей профессии я как то не решаюсь, — говорит он. — Многие путешественники рассказывали мне, что все жители Севера обросли шерстью, как животные» [1, с. 26].

В Москве многие французы оседали в районе Кузнецкого моста. Начало активной французской торговли на этой улице связывают с графом Иваном Воронцовым, который первым сдал французам в аренду часть владений. Данный район города имел многое для удачной торговли. Помимо магазинов в центре Москвы появились гостиницы, содержавшиеся французами. Таков «Отель де Пари», возглавляемый г-ном Леке-ном, родственником знаменитого трагика из «Комедии франсез», любимого артиста Вольтера. Постепенно французская община укреплялась и богатела на фундаменте культуры и хорошего вкуса.

До 1812 г. традиционные французские товары были предметами роскоши, а не товарами первой необходимости. Торговля не была специализирована, и в одном магазине продавались ткани, кружева, платья, перчатки, шляпы, белье, чулки, туфли, дорогая посуда, украшения, духи. Кроме промышленных изделий, продавали продукты — конфитюр, конфеты, пирожные, сыры, вина, оливковое масло, горчицу. Ф. Тастевен объясняет такую эклектику привычкой русских, а не французов [3].

Здесь же сформировалась респектабельная прослойка французов-книготорговцев и издателей, послуживших на славу российской литературы. Необходимо упомянуть хотя бы о нескольких — Готье, Семен, Рисс, Куртнер. Первый стал основателем купеческого рода Jean Marie (Иван Антонович) Дюфайе (Готье), прибывший из Франции в Россию в 1763 г. ввиду законотворческой деятельности Екатерины. Его сын поступил

в возрасте 20 лет на службу Франсуа Куртенера, своего тестя, одного из самых крупных московских книгопродавцев конца XVIII в. и не только стал известным книготорговцем, но и положил начало целой династии — дело в течение 96 лет не выходило из рук семьи. Его преемником станет Ф. И. Тастевен, автор «Истории французской колонии в Москве от ее возникновения до 1812 года».

В одном доме с Готье находился и магазин книгоиздателя Августа Семена, у которого печатался А. С. Пушкин, впервые издано «Горе от ума». Свои сочинения ему доверяли Д. В. Давыдов, С. Н. Глинка, И. И. Лажечников, митрополит Филарет (Дроздов). Старший сын Семена Александр пошел по стопам отца и стал типографом: именно он напечатает первое издание «Словаря живого великорусского языка» В. И. Даля.

Главной причиной популярности их магазинов была книжная торговля, в то время как основным предметом изучения в гимназиях, университетах и на дому были иностранные языки, и в первую очередь французский. Знание языков сделало спрос на зарубежную литературу устойчивым.

Об успешности московских французов-книготорговцев свидетельствует тот факт, что в 1802 г. КуртENER открыл филиал своего торгового дома в Париже, на улице Бонди, успешно расширяясь, таким образом, из России — во Францию (!). Французы реализовывали товары очень дорого, но многим это казалось совершенно естественным. Используя связи с московской знатью, французы по сути и специализировались на элитарной клиентуре, ценившей эксклюзивность товаров. Однако в сентябре 1812 г., перед вступлением в Москву Наполеона, Семена вместе с другими 40 московскими французами, как и собратьев по коммерции Готье, Алларом, выслали, по распоряжению Ростопчина, под надзор губернатора в Нижний Новгород. (Высланные вернулись в Москву спустя несколько лет.) Пострадать московским французам-книготорговцам пришлось и от «своих» — Рисс отстраивал новый дом взамен разоренного французами и сгоревшего.

В 1812 г. французская колония в Москве составляла, по приблизительным подсчетам, более трех тысяч человек при общем населении города в 300–4000 тыс. человек. В годы, предшествовавшие этому, французы уже подвергались нападкам со стороны русской торговой элиты. Напомним об обращении московских коммерсантов к императору с жалобой на «вредоносность» французских собратьев. Одним из поводов недовольства было участие в коммерции женщин, а именно Мари-Роз Обер-Шальмэ, миллионерши, известной далее под именем «Обер-шельма». Кроме того, часто в магазинах иностранцев обнаруживали контрабанду. Под давлением подобных обстоятельств французы шли на натурализацию, не включая семьи, как, например, та же Обер-Шальмэ.

Французы были чуть ли не единственными не покинувшими Москву (как и старообрядцы Рогожской и Преображенской слобод) ввиду приближения Наполеона, что на первый взгляд кажется вполне объяснимым ввиду приближения «своих». Однако при этом историки указывают на факт щедрых пожертвований со стороны французских коммерсантов в поддержку русской армии. Солдаты Великой армии называли подобных «русскими французами», жертвовавшими значительные суммы ради победы русских и неудачи Наполеона. Это также вполне объяснимо — большинство французов уже приобрели больше, чем имели во Франции. Для многих с приходом революции Франция перестала существовать (вспомним о разорении, конфискациих времен ТERRORA).

С 1810 г. русские все более отдалялись от французов, на тех свистели на улицах, шикали в театрах и обращались как с врагами. Аббат Сюрюг в Москве даже про-

поведовал своим соотечественникам умеренность в употреблении французского языка и осторожность действий. И такие настроения лишь укреплялись, подпитываемые, в основном, русской аристократией, которая, несмотря на привязанность к французской культуре, опасалась за свои привилегии и свою идентичность. Как и в конце царствования Екатерины II, все французское стало называться «якобинским» с соответственным ему отношением. Спустя десять лет после Террора русское дворянство почти в полном объеме вернулось к антиреволюционным взглядам.

Дворяне, предвосхищая разрыв договоров, добавляли унижения и даже пускали в ход кулаки против французов, учивших их детей. Подобные методы подхватывались учениками и даже прислугой. Губернатор Ростопчин приказал своей супруге, тайно перешедшей в католичество и посещающей французский приход, временно прекратить там все контакты. «Аббата Сюрюга <...>, — писала его дочь Наталья, — попросили сделать его визиты столь редкими, сколь это было возможно, и моя матушка также согласилась принять некоторые меры, чтобы не быть замеченной в исполнении своих религиозных обязанностей» [1, с. 34].

Образ врага лег грузом на французское сообщество, но в этот критический момент главным фактором уже была степень их интегрированности в русское общество, которая и раскрывает судьбу колонии до и после оккупации Москвы Наполеоном. А степень эта весьма различалась, как различались отмеченные волны и слои эмигрантов. Пожалуй, не будет ошибочным сказать, что французская колония была наиболее пестрым конгломератом как в отношении состава, так и отношения к России, что не удивительно, если вспомнить о том, что общество самой Франции, как никакой другой европейской страны, претерпело радикальные изменения в конце XVIII в.

Наполеон оставался для них революционным деятелем и завоевателем. Рассказывали, что князя Тюфякина, произнесшего во время обедни несколько слов на французском своему соседу, едва не линчевала толпа. Своим спасением он обязан полицейскому, который, сделав вид, будто арестовывает его как шпиона, позволил ему бежать через черный ход [9]. Этот инцидент очень хорошо показал антифранцузскую атмосферу того времени. Конечно, многие французы были обеспокоены данной ситуацией. Например, в мае–июне 1812 г. французы, как, например, Домерг, режиссер французского театра Москвы, запросили паспорта для выезда из России, однако многие из них не получили.

Прославились манией контрразведки директор полиции Москвы П. А. Ивашкин и генерал-губернатор Ф. В. Ростопчин. Согласно приказу от 12 июля 1812 г., следовало осуществить перепись всех иностранцев в Москве и Подмоскovie с намерением изгнать всех неблагонадежных. Знаменитым стал случай с поваром графа Ростопчина Турне, сказавшим «наш император» в отношении Наполеона (что потом им отрицалось) и получившим двадцать ударов кнутом перед немедленной ссылкой в Тобольск. Легко представить себе тягостные настроения французов, пребывавших в России. Подобного же рода — высечены и высланы в Сибирь — случаи с Токе и Шнайдером, «предсказавшими», что Наполеон отобедает в Москве 15 августа. Российские власти, прежде всего в лице Ф. В. Ростопчина, в предоккупационное время действовали в соответствии с надвигавшейся угрозой войны. Все иностранцы, не имевшие российского подданства, подлежали «разбору» — решению судьбы. На каждого «разбираемого» заводилась карточка, в которой были следующие пункты: имя, жена, дети, нация, какого сословия, имеет ли собственный дом, магазин, с какого времени в России, решение о его судьбе [4].

Помимо упомянутых книготорговцев, в ссылку на речное судно были отвезены давно осевшие французские торговцы, такие как Гутт, или Демонси, или Шарль Леконт да Лаво, бывший компаньоном библиотеки Аллара, ставший известным после войны своим «Путеводителем по Москве». Послевоенное письмо Ф. В. Ростопчина так поясняет его враждебность к французам: указанные лица состояли в «секте иллюминатов», пытавшихся организовать масонскую ложу в Москву, формирование которых было запрещено в конце правления Екатерины. Все ссыльные достигли Нижнего Новгорода в добром здравии, где пробыли до 1814 г. Подобные действия, воспринимавшиеся французами как акт возмездия либо как взятие заложников, не были, однако, чем-то особенным для того времени: русские следовали примеру англичан, арестовывавших французов в момент объявления войны.

Вполне очевидно подавленное состояние духа московских французов при вступлении войск Наполеона, ведь уже длительный период они пользовались весьма благоприятной для них ситуацией и боялись все это потерять. Чем ближе был Наполеон, тем чаще вспоминали о том, что «русские французы» были той же нации, что и «современный Тамерлан». Изарн де Вильфор так описывает свои поступки в те дни: «Печальный опыт научил меня, что бегущий все теряет; сейчас был не тот случай, когда следовало прислушиваться к страхам <...> мое место было здесь, и я остался» [1, с. 43].

Множество иностранцев осталось в Москве из-за материальных соображений, стремясь оградить свое имущество. И хотя большинство от прихода французов потеряло, сам район Кузнецкого моста и Лубянки, благодаря координированным действиям московских французов и французов наполеоновской армии, пострадал неизмеримо меньше других кварталов. Общими настроениями управляла мысль о том, что война закончилась и русские проиграли, с чем было сложно спорить ввиду вступления в Москву Наполеона. Ей и руководствовались книготорговцы Рисс и Сосэ, решившие спешно организовать процессию с передачей «ключей от Москвы» французским властям. Первые же дни пребывания французских войск были для французов-резидентов гнетущими — пожар быстро начал угрожать «французскому» кварталу. Московские французы попадали под перекрестный огонь обвинений в коллаборационизме с обеих сторон. Типографский рабочий Клод Гюе, публиковавший оккупационные прокламации французской армии, посчитал себя скомпрометированным и последовал за войсками Наполеона во время отступления, однако, будучи ограбленным в первый же день соотечественниками, вернулся и по возвращении русских в Москву не знал бед. Отношение к местным французам со стороны солдат чаще было следующим: «Что вы тут забыли? Здесь лишь предатели, эмигранты, отказавшиеся от нас» [10].

Живописно вспоминает об этих днях аббат Сюрюг: «...городской пожар продолжал свирепствовать <...>. Злополучные обитатели Слободы (французского предместья), гонимые с места на место пламенем, были вынуждены укрываться на кладбищах за пределами военного госпиталя, где также отнюдь не могли чувствовать себя в безопасности. При виде этих несчастных, с бледностью и отчаянием на лицах, среди могил в отсветах пламени, могло показаться, что это призраки вышли из своих гробниц...» [14].

Особое место в истории Москвы и трагедии французской диаспоры заняли представители французской труппы, игравшей в городе. На их основе был открыт театр, занявший одну из частных площадок города в доме П. А. Позднякова. Всего было привлечено не менее 13 исполнителей. Надо сказать, что все они, представ перед оккупа-

ционными властями, изначально имели весьма непритязательный вид. Так, например, «весь костюм главного трагика состоял из старой военной шинели, наброшенной прямо на голое тело, и ополченческой шапки, поднятой им на улице», а «первый любовник» был одет в семинарский подрясник, имея на голове генеральскую треуголку с пышными перьями [2].

Всего за месяц оккупации Москвы так называемый французский (наполеоновский) театр сыграл 11 спектаклей, которые имели большой успех и принесли не меньшую прибыль. Были поставлены «Свадьба Фигаро», «Заира», «Три султанши» и др. [11, с. 223]. Сам Наполеон спектакли не посещал [7].

Представления шли до последних дней присутствия неприятельской армии в Москве. Как вспоминала актриса Л. Фюзи, «Мы играли до самого дня отъезда» [9].

Боясь наказания за сотрудничество, актеры покинули город с уходящими частями Великой армии. Их дальнейшая судьба была печальна.

Уход из Первопрестольной стал для всех актеров и их семей большим испытанием, а нередко и настоящей трагедией и тяжелой смертью. Так, одна из актрис труппы, оставляя Москву с двумя детьми, находилась на последнем месяце беременности. Первого ребенка она в буквальном смысле потеряла во время переполоха в Вязьме, второй — погиб в пути от голода. Она же сама трагически умерла в Смоленске: ее при попытке войти в город ударил штыком французский солдат [2, с. 224]. При этом русское правительство не видело в артистах врагов. Какое-то время (если бы те решили вернуться) сохранялось в неприкосновенности даже положенное им жалование за первую половину 1812 г. в размере 36 тыс. руб. [5].

Единственным источником об убытии иностранцев из Москвы с отступлением армии Наполеона служит список, составленный по приказу графа Ф. В. Ростопчина по отвоеванию Москвы русскими. Он состоит из 71 имени, включая детей. Только 15 со всей очевидностью являлись французами. Приблизительно 50 человек, включая несовершеннолетних, были лишь французского происхождения. Первой, судя по всему, город покинула верхушка муниципалитета, скомпрометированная контактами с захватчиками. Большая часть осталась, посчитав свои функции в его составе безобидными (соблюдение санитарных норм в Москве и попечительство над оставшимися жителями). Так, очевидно, рассудил Сенат, вынесший приговор лишь 11 французам (высылка в Сибирь или изгнание из страны). Прочие были оправданы и освобождены из-под ареста, осужденным же в дальнейшем приговор был смягчен.

Кампания 1812 г. обозначила конец блестящего, насыщенного периода в жизни французского сообщества Москвы — в значительной степени трагичного, ввиду глубоких причин, коренившихся и в самой неоднозначной природе французской колонии. Часть ее составляли люди, покинувшие Францию лишь в связи с революцией, но сохранявшие тесные культурные связи с родиной. Для французов оставалось возможным сохранять свою «национальную идентичность» на протяжении поколений. А потому «русские французы» не могли окончательно принять сторону их нового пристанища. Для многих их судьбы и судьба России еще не были неразрывно связаны. Те же, кто жил в Москве уже многие годы, покинули город при приближении Наполеона или, если оставались, в целом ничем себя не скомпрометировали. При этом 1812 г. стал годом, который заставил французов побыть не только учителями, но и учениками русских и пересмотреть свои культурные и психологические априори. С другой стороны, русские, хотя граф Ф. В. Ростопчин изгнал французов с Кузнецкого моста и запретил

вывески на французском языке, уже в 1814 г. приветствовали на этой же улице «прежнее владычество французских мод». И бессмертное «Горе от ума», написанное спустя десять лет после событий 1812 г., — наглядное тому свидетельство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Аскиноф С.* Московские французы в 1812 году. От московского пожара до Березины. М.: Кучково поле, 2012. 188 с.
- 2 *Бескин Э. М.* История русского театра. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. Ч. I. 239 с.
- 3 *Загряжкина Т. Ю.* Следы Франции в России // Вестник МГУ. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 3. URL: <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/articles-fra/zagryazkina-sledy-francii-v-rossii.htm> (дата обращения: 12.07.2021).
- 4 Московские французы. Нашествие европейцев // Livejournal.com. URL: <https://bettybarklay.livejournal.com/145058.html> (дата обращения: 22.08.2021)
- 5 *Погожев В. П.* Столетие организации Императорских Московских театров (Опыт исторического обзора). СПб.: Изд-е Дирекции Императорских театров, 1906. Вып. I. Кн. 1. 388 с.
- 6 *Ржеуцкий В. С.* Французское землячество и католическая церковь в Москве в конце XVIII века // Cahiers du Monde russe. Octobre-décembre 2000. № 41/4. P. 615–628. URL: https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-00154159v2/file/Eglise_vr_site.pdf (дата обращения: 02.10.2021).
- 7 *Рэй М.-П.* Страшная трагедия. Новый взгляд на 1812 год. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 316 с.
- 8 Указ Ее Императорского Величества Самодержицы Всероссийской, из Правительствующего Сената, 14 февраля 1793 года. О расторжении отношений с Францией... // Hisdoc.ru. URL: <http://hisdoc.ru/laws/17065/> (дата обращения: 17.08.2021).
- 9 Французы в России: 1812 год по воспоминания современников-иностранцев: в 3 ч. М.: ГПИБ, 2012. Ч. 1–2. 736 с.
- 10 *Шатне Мадлен дю.* Жан Батист де Траверсе, министр флота Российского / пер. М. Л. Андреев. М.: Наука, 2003. URL: <https://coollib.com/b/283288/read> (дата обращения: 02.11.2021).
- 11 *Dufay C.* L'histoire mouvementée de la communauté française de Moscou // Russieinfo.com. URL: <http://www.russieinfo.com/l%E2%80%99histoire-mouvementee-de-la-communautaire-francaise-de-moscou-2017-04-03> (дата обращения: 09.09.2021).
- 12 Les français en Russie et les russes en France. Ancien regime — l'emigration — les invasions / par L. Pingaud // Gallica.bnf.fr. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5758242k/f501.image> (дата обращения: 08.09.2021).
- 13 *Rémy Chamousset.* Les émigrés français en Russie, 1789–1815. Histoire. 2011. HAL Id: dumas-00625408. URL: <https://dumas.ccsd.cnrs.fr/dumas-00625408> (дата обращения: 21.09.2021).
- 14 *Rjéoutski V.* Les «Français russes» à Moscou en 1812: images de l'ennemi et destin d'une communauté d'émigrés // Revue des études slaves. 2012. T. 83. № 4. P. 945–959. <https://doi.org/10.3406/slave.2012.8286>

© 2021. Alexey V. Belov
Moscow, Russia

© 2021. Mikhail V. Rudakov
Moscow, Russia

**FRENCH COLONY IN MOSCOW
OF THE SECOND HALF OF THE 18TH – EARLY 19TH C.:
ASPECTS OF EMERGENCE AND HISTORICAL DESTINY**

Abstract: The paper aims to analyze such a unique phenomenon of national history and culture as a French colony, established in Moscow of the late 18th c., exerting an outstanding influence on every aspect of the city life. “Russian French”, although repeatedly noted by contemporaries as a fact and feature of the Russian culture, still awaits a body of consistent research. The authors seek to assess specificity of the French community of Moscow focusing on the context of its emergence and covering its time span until 1812. The study pays special attention to the issues of the process of the French diaspora’s formation, its features and main aspects of the “Russian French” role in developing of the Russian culture at the turn of the 19th century, in all complexity of this entity, to identifying of the main motivational directions, social and professional status of migrants, mutual estimations of two cultures’ representatives, their adjustment during the period observed subject to internal and external factors. The study involves estimating the contribution of the French migrants into Moscow’s business life and education, including the aspect of the theater evolution. The paper introduces into scholarly discourse previously unpublished sources and academic papers of the Russian and foreign authors of the past few years.

Keywords: Russian French, Francophone colony, migrants, motives, composition, French educators, booksellers, actors, Moscow French and 1812.

Information about the authors:

Alexey V. Belov — PhD in History, Associate Professor, Senior Researcher, Center of studies of territory and population of Russia, Russian Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Dmitri Ulyanov St., 19, 117292 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5606-0086>. E-mail: belovavhistpost@mail.ru

Mikhail V. Rudakov — PhD in Culture Studies, Associate Professor, Institute of Slavic culture, A. N. Kosygin Russian State University, Khibinsky proezd, 6, 129337 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3250-1558>. E-mail: mihvalrud@mail.ru

Received: August 21, 2020

Date of publication: December 28, 2021

For citation: Belov A. V., Rudakov M. V. French colony in Moscow of the second half of the 18th – early 19th c.: aspects of emergence and historical destiny. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2021, vol. 62, pp. 87–100. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-62-87-100>

REFERENCES

- 1 Askinof S. *Moskovskie frantsuzy v 1812 godu. Ot moskovskogo pozhara do Bereziny* [The Moscow French in 1812. From the Moscow's fire to Berezina]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2012. 188 p. (In Russian)
- 2 Beskin E. M. *Istoriia russkogo teatra* [History of the Russian theater]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1928. Part I. 239 p. (In Russian)
- 3 Zagriazkina T. Iu. Sledy Frantsii v Rossii [Traces of France in Russia]. *Vestnik MGU. Series 19. Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia* [Linguistics and intercultural communication], 2009, no 3. Available at: <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/articles-fra/zagryazkina-sledy-francii-v-rossii.htm> (accessed 12 July 2021). (In Russian)
- 4 Moskovskie frantsuzy. Nashestvie evropeitsev [Moscow French. Invasion of the Europeans]. In: *Livejournal.com*. Available at: <https://bettybarklay.livejournal.com/145058.html> (accessed 22 August 2021). (In Russian)
- 5 Pogozhev V. P. *Stoletie organizatsii Imperatorskikh Moskovskikh teatrov (Opyt istoricheskogo obzora)* [Centenary of the organization of Imperial Moscow Theaters (Historical review experience)]. St. Petersburg, Izdanie Direktsii Imperatorskikh teatrov Publ., 1906. Vol. I. Book 1. 388 p. (In Russian)
- 6 Rzheutskii V. S. Frantsuzskoe zemliachestvo i katolicheskaia tserkov' v Moskve v kontse XVIII veka [The French community and the Catholic Church in Moscow at the end of the 18th century]. In: *Cahiers du Monde russe. Octobre-décembre*, 2000, no 41/4, pp. 615–628. Available at: https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-00154159v2/file/Eglise_vr_site.pdf (accessed 02 October 2021). (In Russian)
- 7 Rei M.-P. *Strashnaia tragediia. Novyi vzgliad na 1812 god* [Terrible tragedy. A new look at 1812]. Moscow, Politicheskaiia entsiklopediia Publ., 2015. 316 p. (In Russian)
- 8 Ukaz Ee Imperatorskogo Velichestva Samoderzhitsy Vserossiiskoi, iz Pravitel'stvuiushchego Senata, 14 fevralia 1793 goda. O rastorzhenii otnoshenii s Frantsiei... [Decree of Her Imperial Majesty the Autocrat of All-Russia, from the Governing Senate, February 14, 1793. On the termination of relations with France...]. In: *Hisdoc.ru*. Available at: <http://hisdoc.ru/laws/17065/> (accessed 17 September 2021). (In Russian)
- 9 *Frantsuzy v Rossii: 1812 god po vospominaniia sovremennikov-inostrantsev: v 3 ch.* [The French in Russia: 1812 according to the memoirs of foreign contemporaries: at 3 parts]. Moscow, GPIB Publ., 2012. Parts 1–2. 736 p. (In Russian)
- 10 Shatne Madlen diu. *Zhan Batist de Traverse, ministr flota Rossiiskogo* [Chatenet Madeleine du. Jean Baptiste de Traversay, Minister of the Russian Navy], translated by M. L. Andreev. Moscow, Nauka Publ., 2003. Available at: <https://coollib.com/b/283288/read> (accessed 02 November 2021). (In Russian)
- 11 Dufay C. L'histoire mouvementée de la communauté française de Moscou [The turbulent history of the French community in Moscow]. In: *Russieinfo.com*. Available at: <http://www.russieinfo.com/l%E2%80%99histoire-mouvementee-de-la-communaute-francaise-de-moscou-2017-04-03> (accessed 09 September 2021). (In Russian)
- 12 Les francais en Russie et les russes en France. Ancien regime — l'emigration — les invasions [The French in Russia and the Russians in France. Ancient régime — emigration — invasions], by L. Pingaud. In: *Gallica.bnf.fr*. Available at: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5758242k/f501.image> (accessed 08 September 2021). (In France)

- 13 Rémy Chamousset. *Les émigrés français en Russie, 1789–1815. Histoire. 2011* [French emigrants in Russia, 1789–1815. History. 2011]. HAL Id: dumas-00625408. Available at: <https://dumas.ccsd.cnrs.fr/dumas-00625408> (accessed 21 September 2021). (In France)
- 14 Rjéoutski V. Les “Français russes” à Moscou en 1812: images de l’ennemi et destin d’une communauté d’émigrés [The “Russian French” in Moscow in 1812: images of the enemy and the fate of an emigrant community]. *Revue des études slaves*, 2012, vol. 83, no 4, pp. 945–959. <https://doi.org/10.3406/slave.2012.8286> (In France)